LIETUVOS TSR AUKŠTŲJŲ MOKYKLŲ MOKSLO DARBAI, KALBOTYRA, VII, 1963

ВКЛАД И. Н. ЛОБОЙКО В РАЗВИТИЕ РУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. КАУПУЖ

Иван Николаевич Лобойко был утвержден ординарным профессором российской словесности Императорского Виленского Университета в конце 1821 года[1]. 6 января он прибыл на место своей будущей работы[2] и сразу же развил весьма разностороннюю и энергичную организаторскую и преподавательскую деятельность, которая характеризовалась прежде всего стремлением ознакомить местное население с достижениями русской культуры, а русских — с культурой поляков и литовцев.

Уважение к культуре других народов, интерес к ее изучению, неустанная деятельность, направленная на взаимное ознакомление с историей, литературой, языком, фольклором, способствовали популярности Лобойко среди представителей местной — польской и литовской — интеллигенции, в том числе в ее передовых слоях.

Близко знакомый с декабристами[3], ездивший в 1823 и 1824 годах в Петербург, он являлся — по мысли польского исследователя С. Фишмана — посредником между филаретами и декабристами[4].

Еще до начала работы в университете Лобойко строил широкие планы своих будущих занятий славистикой и литовским языком. Он записал в Петербурге в альбоме известного ученого П. И. Кеппена, что собирается «написать историю российского языка ... российскую грам-

[1] В «Русском биографическом словаре» ошибочно указано, что Лобойко был утвержден в должности ординарного профессора в 1825 г. (указ. словарь, т. 10, стр. 568); архивные источники называют 1821 г. Месяц его утверждения в должности документы сообщают по-разному: на 26 октября указывают 3 дела (ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 9; ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62; ед. хр. 1082, л. 80-об., 81 и дело в рук. отд. Вильн. Унив. КС 206, стр. 10), на 26 ноября указывает документ ГИА Лит. ССР, ф. 567, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 36.

[2] Рук. отд. Вильн. Унив., КС 206, стр. 10.

[3] См. публикацию и вступительную статью В. Данилова, Воспоминания И. Н. Лобойко о Рылееве, сб.: Декабристы и их время, изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

[4] См. S. Fiszman, Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego“, 1953, № 2—3, str. 112.

матику и словарь по лучшим образцам...», что очень желает «научиться литовскому языку для обогащения отечественной истории и языка новыми источниками»[5].

Условия воспитания, обучения и последующей службы Лобойко, а также его литературные связи способствовали развитию у него живого интереса к культуре других народов. Назначение его профессором в университет, где были представлены — и среди преподавателей, и среди студентов — многие национальности, было поэтому весьма удачным.

И. Н. Лобойко родился на Украине в семье губернского секретаря Николая Трофимовича Лобойко, служившего в харьковской казенной палате[6]. Обстоятельства его жизни в детстве были, вероятно, довольно трудные (в альбоме Кеппена он записал о себе шутливо в третьем лице: «Иван Николаевич Лобойко считает себе ныне (1821) 36 лет и думает, что родился в 1785 году в Харькове ли, Лопани селе или Пересечном — не знает)»[7].

Обучался Лобойко сперва у дьячка, потом в харьковском малом народном училище, затем в главном народном училище; с момента открытия гимназии переведен туда; после ее окончания в 1804 г. поступил в Харьковский Университет казеннокоштным студентом[8]. Вследствие неизвестных нам обстоятельств в детстве он жил и воспитывался в Харькове в одной немецкой семье; поэтому, как он пишет в автобиографии, по-немецки «мог свободно изъясняться»[9]. В университете Лобойко изучал теорию изящных наук, русскую и немецкую литературу, философию, историю, французский и латинский языки, политические науки, математику, физику, химию, ландшафтное рисование[10].

По окончании курса наук он был направлен на работу учителем в новгород-северскую гимназию, где преподавал логику, психологию, всеобщую грамматику и риторику[11], а также археологию[12].

В своей биографии он подчёркивал, что однообразная работа учителя его не удовлетворяла, что он пытался заняться собственными изысканиями, читал в библиотеке спасского монастыря старинные славянские книги[13]. Однако к научным исследованиям он, очевидно, был еще недостаточно подготовлен. В 1811 году Лобойко перемещают в харьковскую слободско-украинскую гимназию учителем немецкого язы-

---

[5] Арх. ИРЛИ, 10. 102. LX. б. 24, л. 51.

[6] Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 10, л. 1.

[7] Арх. ИРЛИ, 10. 102. LX. б. 24, л. 51. Позже в рукописной автобиографии он писал, что по соотношению фактов устанавливает время своего рождения — 21 июня 1786 г. — и место — город Золочев Харьковской губернии. Арх. ИРЛИ, ф. 154. ед. хр. 105, л. 15.

[8] Там же, ед. хр. 105, л. 15.

[9] Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3.

[10] Там же.

[11] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 15-об.

[12] Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3-об.

[13] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 16.

ка и литературы[14]. Одновременно он дает уроки в частных домах и работает учителем в ряде пансионов[15]. Многочисленные занятия ради заработка (а трудиться ему, как единственному кормильцу матери и брата, пришлось уже с 15 лет[16]) не мешают, однако, заниматься, пока еще неудачно, сочинительством: в это время им сделан ряд переводов на русский язык и представлен на суд писателя и переводчика А. Ф. Воейкова[17].

В 1815 году Лобойко проживал в Варшаве, где служил в качестве чиновника по особым поручениям у президента государственного совета Царства Польского В. С. Ланского и одновременно был учителем его детей[18]. В этот период он получает возможность познакомиться с польским языком и соприкоснуться с польской культурой. Он приступает к изучению славянских языков и с этой целью знакомится с известным составителем словаря польского языка С. Б. Линде, пользуется — как сам позже напишет — «наставлениями знаменитого ученого»[19].

С 1815 по 1821 год Лобойко служит в Петербурге в разных департаментах и ведомствах, занимая различные чиновничьи должности, и достигает в конце чина титулярного советника[20].

Находясь на казенной службе, Лобойко не порывал связи с научными литературными кружками столицы. Он участвует в издании журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», переводит учебные книги, знакомится с виднейшими учеными и писателями того времени: Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым, Н. И. Гнедичем, А. Е. Измайловым и др.[21], издает ряд своих работ (например, «О важнейших изданиях Герберштейна записок о России», Спб., 1818, «Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера» — в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения») и становится членом «Вольного общества друзей наук». К этому же периоду относится знакомство с такими виднейшими славистами и языковедами, как датский ученый Р. Х. Раск, как реформатор сербской орфографии, поэт, языковед и этнограф Вук Караджич, ученый и библиограф П. И. Кеппен[22].

Когда в 1820 году в Виленском Университете был объявлен конкурс на замещение вакантной кафедры российской словесности, Лобойко принял в нем участие, выслав сочинение, получившее положительную оценку совета университета. Работа эта, кроме теоретических рассуж-

---

[14] ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 5.

[15] Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 3-об.

[16] Там же, л. 4.

[17] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 105, л. 16.

[18] Арх. АН в Лен., ф. 88, оп. 2, ед. хр. 49, л. 4.

[19] Там же.

[20] См. его послужной список в ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 51, л. 5; там же, ф. 576, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 35.

[21] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 7.

[22] Там же, 10. 102. LX. б. 24, л. 51.

дений о языке и литературе, заключала также «мысли о способе преподавания русского языка и литературы польской молодежи»[23].

Как мы уже отмечали, еще перед отъездом из Петербурга Лобойко составил обширный план своей будущей деятельности. Он хорошо изучил местные условия и учитывал возможность использовать свое пребывание в Литве для сближения народов, ее населявших, с русским народом путем взаимного ознакомления с языком и достижениями культуры каждого из них. В своих воспоминаниях, написанных в сороковых годах, он отмечал, что члены «Общества любителей российской словесности» радовались его назначению, т. к. ожидали, что он употребит свои способности к «примирению наций», что он также «...давно одушевлен был этим чувствованием и признавал теперь свое назначение призванием к сему подвигу...»[24]

Живя в Варшаве, Лобойко начал заниматься польским языком и овладел им до известной степени. В марте 1821 г. В. Пелчинский писал из Петербурга филомату И. Ежовскому о будущем профессоре, что тот немного понимает по-польски[25]. В университетских кругах нового профессора встретили благосклонно. К. Контрым писал в Петербург О. Сенковскому: «Я познакомился также с Лобойко, который три дня назад вечером сюда прибыл; такой, каким ты его описал. Прекрасный человек. Поднимет уважение к русской литературе...»[26]

По прибытии в университет Лобойко продолжает изучать польский язык. Первым его учителем становится член филаретского кружка студент Н. Малиновский, которого он поселяет у себя на квартире[27]. Уже год спустя после приезда он настолько овладевает языком, что может свободно общаться со студентами и профессорами. В письме к родственнице в Петербург, написанном по-польски, он отмечает, что овладел языком благодаря «заседаниям, дискуссиям, чтению литературы»[28]. Надо бы прибавить: также благодаря тесному личному общению с местными учеными и литераторами. В первых же письмах к русским друзьям фигурируют имена его новых знакомых: И. Лелевеля, М. Бобровского, И. Даниловича, К. Контрыма и др.

Лобойко скоро становится связующим звеном между русскими и местными исследователями. Он информирует своего учёного покровителя, основателя Румянцевского музея, Н. П. Румянцева, а также ряд славистов, историков, этнографов о последних трудах, появившихся по-польски; с другой стороны, он пропагандирует русские труды и русскую

---

[23] ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 1114, л. 45-об.

[24] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 18.

[25] „...rozumie trochę język polski". Archiwum filomatów, cz. 1, Korespondencja, 1815—1823, t. 3, wydał J. Czubek, Kraków, 1913, str. 210.

[26] „Poznałem też I. Łobojkę, który przedpozawczora w wieczór tu przybył; taki jakiego wyobraziłeś. Śliczny człowiek. Podniesie szacunek literatury rosyjskiej..." ГИА Лит. ССР, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1.

[27] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 19.

[28] Там же, ед. хр. 103, л. 36.

культуру среди местной интеллигенции. Он сообщает известному слависту Евг. Болховитинову о всех интересующих того книгах[29], высылает издательский каталог польских книг, труды И. Лелевеля, список сочинений последнего[30]. Он переписывается с Кеппеном, с известным филологом И. Ф. Калайдовичем, переводчиком и библиографом В. Г. Анастасевичем, известным путешественником З. Ходаковским[31]. Он не только сообщает Румянцеву о последних трудах Лелевеля, но и подыскивает переводчика для издания их на русском языке, указывая как на одного из возможных переводчиков на лектора польского языка в Харьковском Университете и украинского поэта П. П. Гулак-Артемовского[32]. Он предлагает сделать русский перевод «Истории польского народа» Е. С. Бандтке[33], одновременно советует книгопродавцу Моритцу издать «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина для поляков[34]. Он организует переводы русских писателей и поэтов на польский язык[35] и руководит группой студентов, занимающихся переводами польских писателей на русский язык (в его архиве находим, правда, более поздние по времени, переводы из басен И. Красицкого, сатир А. Нарушевича, из Ю. У. Немцевича, Ф. Д. Князнина; переводы отрывков из «Приключений Николая Досвядчинского» И. Красицкого, из «Похвалы Копернику» Л. Осинского)[36]. По его совету основатель Румянцевского музея выписывает „Dziennik Wileński“[37]. Позже московский этнограф и историк И. М. Снегирев, подготавливая работу о русских пословицах, будет при содействии и посредничестве Лобойко пользоваться сравнительными материалами о южнославянских пословицах, взятыми у М. Бобровского[38]. Проект работы Снегирева обсуждают Лобойко и Бобровский[39]. Проф. Снегирев от Лобойко хочет получить отзыв Лелевеля на свои статьи о русалках и радунице, о чем просит в письме к нему[40].

Большое место в деятельности Лобойко занимает его интерес к литовскому языку, истории и культуре. Исследователи творчества литовских писателей начала XIX века, а также истории литовской культуры и литовского национального движения указывали уже на значение Лобойко, как человека, стимулировавшего и поддерживавшего многие начинания. Он поручал студентам описывать литовские говоры, собирать литовские песни, организовал экспедицию по Литве, в которой и сам принял участие; он опубликовал в местной печати отрывок из письма Ру-

---

[29] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 26.
[30] Арх. АН в Лен., Р IV, оп. 52, ед. хр. 2, л. 1—4.
[31] Рук. отд. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 2.
[32] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 4-об., 5.
[33] Там же.
[34] Там же, л. 4.
[35] См. в указанной работе С. Фишмана, стр. 117.
[36] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 32.
[37] Арх. АН в Ленинграде, оп. 52, ед. хр. 7, л. 2.
[38] Там же, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, л. 59.
[39] Там же, ед. хр. 9, л. 1.
[40] Там же, ед. хр. 8, л. 7.

мянцева, заключавший просьбу собирать материалы о литовской старине[41].

Еще перед отъездом из Петербурга Лобойко поставил перед собой цель — изучить литовский язык, так во всяком случае он записал в альбоме Кеппена[42]. Немалую роль в этом, наверное, сыграло влияние Н. П. Румянцева, который ожидал от Лобойко сообщений о литовской старине и современном положении народа. Возможно, что известное влияние в этом направлении оказали также Раск и Кеппен, написавший впоследствии свою известную работу «О происхождении, языке и литературе литовских народов» (1827), для которой при посредничестве Лобойко использовал материалы Д. Пошки

Научные планы Лобойко широки: он задумывает написать сочинение, которое должно включить такие вопросы, как «географическое описание земель, населенных народами литовского происхождения, как то Пруссии, Литвы, Семигалии, Курляндии, Летляндии и Ливонии»; происхождение литовского народа, религия литовских народов, язык литовских народов. План этой работы Лобойко обсуждал с проф. Лелевелем, Даниловичем, Бобровским[43]. Впоследствии Лобойко, очевидно, понимая трудность предприятия для одного человека, пишет уже о составлении «вместе с проф. Лелевелем сочинения о литовском языке и народе»[44]. К сожалению, за предварительной стадией сбора библиографии и материалов не последовала дальнейшая углубленная работа. Возможной причиной этого является процесс филоматов и удаление из университета Лелевеля, Даниловича, Бобровского. Лишившись их помощи, Лобойко, вероятно, один не смог продолжать работу. (В более поздних дневниковых записях Лобойко встречаем уже новые планы: он задумывает перевести с комментариями «Историю Литвы» В. Кояловича[45].)

Сбор материалов для задуманной совместной работы начат был весьма энергично. Желающим участвовать в предварительной ее стадии розданы были вопросники, которые должны были направить в собирании языковедческого, географического, статистического и др. материалов. Интересовали автора вопросника легенды, древние языческие обычаи и обряды, старые книги[46].

По свидетельству Лобойко, начинание это нашло живой отклик. В письме к Н. П. Румянцеву от 8 декабря 1822 года он рассказывает, как пришел к нему, узнав о предприятии, энтузиаст-студент[47]. Вскоре уже были получены ответы из 10 деканий[48].

---

[41] См. об этом в работе Lituanistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje, „Darbai ir dienos", t. VIII, Kaunas, 1939.

[42] Арх. ИРЛИ, 10. 102. Х. б. 24, л. 51.

[43] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 7-об. — 9-об.

[44] Там же, л. 20.

[45] Запись в январе 1834 г. Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, л. 1-об.

[46] Там же, ед. хр. 103, л. 17.

[47] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 16-об.

[48] Там же, л. 17-об.

Вероятно, Лобойко в сотрудничестве с Киприонасом Незабитаускасом стремился привлечь широкие круги интеллигенции к собиранию материала. Было начато даже печатание воззвания на литовском языке, которое, однако, не вышло из-за неудовлетворительного положения с цензурой литовских книг в университете. (Интересное известие об этом литовском воззвании заключает письмо Лобойко к Киприонасу Незабитаускасу от 12 марта 1823 г.[49])

В связи с путешествием Лобойко в апреле 1823 г. по некоторым районам Литвы сохранились сведения о его контактах с местной интеллигенцией: от М. Хлевинскиса он получает письменную инструкцию для путешествия[50], от Киприонаса Незабитаускаса — письменные ответы на 26 вопросов, относящихся к современному положению Литвы[51]; во время путешествия пользуется советами и указаниями Д. Пошки[52], знакомится с известным в то время ученым Л. Увайнисом и получает после путешествия его работу о литовской этимологии[53].

Вскоре после возвращения из поездки он получает рукопись работы Д. Пошки „Rozmyślania wieśniaka rolnika“, которую вместе с рукописью Киприонаса Незабитаускаса отдает, как сам об этом сообщает в письме к Н. П. Румянцеву, в Петербурге Ф. Булгарину для напечатания в русском переводе[54].

Лобойко поддерживает Киприонаса Незабитаускаса в его желании составить литовский словарь[55]; призывает Эйникаса, М. Хлевинскиса собирать народное творчество[56]; все эти его начинания вместе со сведениями о творчестве литовских ученых и писателей находят отражение в его письмах к Румянцеву.

Несомненно, что, будучи в Петербурге, он старался всемерно использовать полученные литовские материалы, знакомя русских ученых и литераторов с достижениями литовских писателей и ученых.

Приведенные выше примеры контактов Лобойко с польскими и литовскими учеными и писателями говорят о том, что он понимает и серьезно выполняет свою роль представителя русской культуры в Литве в части налаживания деловых связей русских ученых с представителями местных научных кругов. Свои столичные связи использует он иногда для поддержки стремящейся к знаниям молодежи. Узнав, например, что талантливый юноша решил идти пешком в Петербург для занятий в Академии Художеств, он пишет письмо с просьбой оказать ему помощь и покровительство[57].

---

[49] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 33.
[50] Там же, л. 34.
[51] Там же, л. 54-об.
[52] Там же, л. 52.
[53] Там же, л. 54-об.
[54] Там же, л. 70.
[55] Там же, л. 54-об.
[56] Там же, л. 41-об.
[57] Рук. отд. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 1.

Диапазон вопросов, интересующих в разное время Лобойко, очень широк. Его занимают поочередно столь далекие друг от друга предметы, как скандинавская словесность и древнейшие известия о янтаре, издания записок Герберштейна и ланкастерские школы, источники северной истории и обзор иностранной словесности[58]. Он не сосредоточил своего внимания на какой-либо узкой области, связанной с предметом, им преподаваемым. Планы его в области славянского языкознания обширны, выполненной же оказалась только небольшая часть. Уже упоминалось о записи в альбоме Кеппена: будущий профессор желает написать историю русского языка, русскую грамматику, словарь. По прибытии в университет он прежде всего приступает к подготовке грамматики русского языка для поляков и переводного русско-польского словаря, что диктовалось отсутствием необходимых учебных пособий. По-видимому, в связи с тем, что его собственная грамматика должна была быть готова не скоро, он пока в качестве паллиативной меры поручает кандидату университета А. Глебовичу перевод на польский язык русской грамматики для французов Рейфа[59]. В письме от 23 октября 1822 г. он сообщает Н. П. Румянцеву, что перевод завершен, что сам «исправил при польском переводе небольшие ошибки, сделал нужные дополнения» и что отпечатано уже 4 листа. Лобойко подчеркивает необходимость подобных изданий для университета и училищ[60], и поэтому дает еще одно поручение: перевести с немецкого на польский грамматику русского языка Пухмайера[61].

Хотя в конце XVIII и начале XIX в. был издан целый ряд грамматик русского языка для поляков[62], они, по-видимому, не могли удовлетворить все возраставшей потребности ни в количественном, ни в качественном отношении. Поэтому издательские начинания Лобойко были весьма актуальны.

Сделанный Глебовичем некритический, буквальный перевод книги Рейфа, предназначенной притом для французов, не мог быть удовлетворительным, поэтому Лобойко пришлось согласиться со справедливы-

---

[58] ГИА Лит. ССР, ф. 576, оп. 2, ед. хр. 2406, л. 37.

[59] Grammaire russe à l'usage des étrangers qui désirent connoître à fond les principes de cette langue, précédée d'une introduction sur la langue slavonne par Ch. Ph. Reiff à Saint-Pétersbourg, août 1821.

[60] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 4.

[61] Там же, л. 4-об.

[62] *А.* Krótka rosyjska grammatyka dla szkół narodowych Imperium rosyjskiego za najwyższym nakazem ś. p. Katarzyny II w 1790 r., wydana na język polski w Wilnie przy szkole głównej Litewskiej, przetłumaczona i wielu uwagami ross. autorów pomnożona, Wilno, 1800; *Б.* I. Brodowski, Gramatyka rosyjska, Wilno, 1805; *В.* Грамматика российского языка в пользу польского юношества в волынской гимназии, изданная М. Бутовским, Почаев, 1809; *Г.* Dworzecki, Początki języka rosyjskiego, Wilno, 1809 i 1811; *Д.* Praktyczna rossyjska grammatyka z wypisami z różnych rossyiskich autorów i słownikiem... ułożona przez J. Heym, prof. języka rosyiskiego w Moskwie, przełożona dla użytku Polaków podług ostatniej poprawnej i powiększonej edycji przez

ми критическими замечаниями Румянцева[63]. Действительно, в этой грамматике соединились погрешности Рейфа с ошибками переводчика. В своей грамматике Рейф стремился объяснить французам характерные черты русской фонетики доступным для них образом, используя прием сопоставления русских и французских звуков и букв. Сохранение подобных разъяснений в польском тексте не имело смысла, а иногда давало неверное понятие о произношении русских слов (*стаканн, дамм, носс*[64]).

Кроме работы над собственной грамматикой, Лобойко участвует в подготовке русско-польского словаря, руководя В. Кишко-Згерским, составляющим его на основе немецко-русского и русско-немецкого словаря И. А. Гейма (вероятно, по одному из последних его изданий) с привлечением материалов академического словаря русского языка. К октябрю 1822 г. словарь доведен уже до буквы *М*[65]. К 1824 г. работа над словарем была завершена (из отзыва Л. Боровского и Лобойко узнаем: «...словарь доведен ... надлежаще к окончанию»[66]) и начались хлопоты по изысканию средств к его изданию. Лобойко выступает с предложением о выделении на нужды издания из сумм университета 2000 рублей для типографии Ф. Моритца[67]. С просьбой о выделении средств выступает перед советом университета и сам Моритц (в январе 1824 г.[68]). Однако и в мае 1825 г. нужная сумма не была найдена, как узнаем из сообщения попечителя учебного округа[69]. Словарь так и остался в рукописи.

Учитывая близость систем русского и польского языков и, как следствие, случаи смешения их отдельных элементов учащимися, Лобойко замечает: «Россияне, проживающие между поляками, сбиваются в российском слоге на польское наречие, а поляки ... не могут писать чисто уже по-польски». Поэтому он считает необходимым подкреплять грамматику «чтением образцовых писателей того и другого языков», т. к. только тогда можно писать верно и «чисто на обоих языках»[70]. Он готовит, кроме грамматики, издание «Собрания российских стихотворений», которое должно послужить «на несколько лет важною подпорою университетских лекций российской словесности». Оно «произведет в известность и уважение в сем краю российских писателей и заменит недостаток полных изданий», к тому же может «продаваться дешево, ибо издатель не имеет никакого вознаграждения, желая только по зва-

---

M. Grodzickiego we Wrocławiu, 1819. То же, Wrocław 1822. E. P. Ostrowski, Wypisy Rossyiskie pomnożone grammatyką, Wilno, 1819.

[63] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 15.

[64] Ch. Ph. Reiffa grammatyka rossyyska ... przełożona ... i potrzebnymi dodatkami do użytku Polaków zastosowana przez A. B. Hlebowicza kandydata filozofii, Wilno, 1823, str. 12.

[65] ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62, ед. хр. 744, л. 1.

[66] Там же.

[67] ГИА Лит. ССР, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 20411, л. 1; там же, ед. хр. 1115, л. 15-об.

[68] Рукоп. отд. Библ. Вильн. Унив., КС 195, стр. 88.

[69] ЦГИА в Ленинграде, ф. 733, оп. 62, ед. хр. 744, л. 10.

[70] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 6, л. 28.

нию своему быть полезным...»[71]. Хрестоматия, составленная Лобойко, вышла в 1827 г.[72].

Как видно из писем Лобойко, уровень знания русского языка студентами в начале его педагогической деятельности в университете был очень низок. («Студенты наши только начинают разуметь по-русски»[73], «часто не знают даже букв и записывают лекции, пользуясь латинским алфавитом»[74]). Вновь назначенный профессор старается приобщить слушателей к своему предмету и, как кажется, благодаря своим личным качествам и дружескому отношению к местному населению[75], успешно этого добивается. Результатами своей деятельности Лобойко удовлетворен: «...Я нашел как профессоров, так и студентов в примирительном расположении. На лекции мои приходили охотно не только студенты, но даже адъюнкты и профессоры, также давно вышедшие из университета кандидаты, магистры и доктора. Профессоры Данилович и Лелевель, с которыми я по образу моих ученых занятий наиболее общался, начали из угождения мне заниматься, первый — отыскиванием русских рукописей, а Лелевель — русскою палеографией, сам гравировал и печатал»[76]. «Я рад, — пишет он в одном письме, — что словесность российская начинает приходить в уважение, польские журналы заимствуют статьи свои из наших...»[77]. «Со стороны русского языка и литературы предрассудки исчезают», — пишет он журналисту и историку М. Т. Каченовскому[78]. «Русскому языку учатся теперь очень охотно. У меня бы-

---

[71] Рук. отд. Библ. Вильн. Унив., КС 611, стр. 20.

[72] Собрание российских стихотворений в пользу юношества, Вильно, 1827.

[73] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 103, л. 25.

[74] Там же, ед. хр. 39, л. 37.

[75] Лобойко изучает польский язык и литературу, восхищается ее достижениями. В своих воспоминаниях он пишет, например, об А. Мицкевиче: «Поэма его «Grażyna», вскоре по приезде моем вышедшая из печати, столько меня очаровала, что я, начав читать ее с вечера, не мог уже от нее оторваться, всю ночь просидел за нею с польскими моими знакомыми». «В восхищении моем я написал к нему в Ковно 27 мая 1823 года письмо по-немецки, находя в нем тесное родство с гением Бюргера, Гёте и Шиллера» (Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 37, лл. 17 и 18).

Позицию Лобойко характеризует также и следующий случай. В 1823 г., направленный на следствие по делу слуцкой школы, обвиненной в существовании тайного общества, он спасает ее от дальнейших преследований со стороны царских властей. Вот как об этом пишет в рукописной биографии Лобойко Полинский: «В то время, когда Новосильцев проводил в Вильне следствие по делу общества «лучистых», ректор выслал в Слуцк проф. Лобойко для расследования этого вопроса. Лобойко сообщил, что ученики собирались под надзором школьных учителей во внеурочное время для чтения учебных упражнений. Это спасло школу от дальнейших неприятностей". Текст оригинала: „...w tym czasie, kiedy Nowosilcew prowadził w Wilnie śledztwo względem towarzystwa Promienistych, rektor wysłał do Słucka prof. Łobojkę dla rozpoznania tej rzeczy. Łobojko pokazał, że uczniowie zbierali się pod dozorem szkolnych nauczycieli pomimo przepisanych godzin dla odczytywania ćwiczeń naukowych. To ocaliło szkołę od dalszych nieprzyjemności". Рук. отдел. библ. Вильн. Унив. ДС, 177.

[76] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 38.

[77] Там же, ед. хр. 103, л. 19.

[78] Там же, л. 21-об.

вает до 150 слушателей в низшем курсе ... —пишет он в октябре 1822 г. Румянцеву и продолжает: — По приезде моем я роздал способнейшим роли для составления пособий по изучению российского языка»[79].

Занятия свои Лобойко старается разнообразить. Из протокола заседания отделения литературы университета за июнь 1822 года видим, что избранный вновь профессор, кроме занятий по языку с «начинающими и продолжающими», кроме эстетического разбора сочинений русских писателей и занятий по истории российской словесности, «руководить будет в переводах учеников на русский язык», начнет преподавать «славянский язык по грамматике Осипа Добровского», «грамматику российского языка вместе с переводом на польский язык»[80]. В 1824 г. среди преподаваемых им предметов мы видим, кроме перечисленных выше, «краткий очерк сравнительной грамматики русского, польского и старославянского языков»[81]. В 1825 г. окажутся добавленными переводы со старославянского на русский и польский языки[82]. Лобойко считал нужным ознакомить студентов также с методикой преподавания русского языка, имея в виду, что часть из них может в будущем стать учителями этого предмета в местных школах. В его архиве мы находим методическую разработку одной грамматической темы[83]. Для облегчения изучения старославянского языка он, основываясь на грамматике О. Добровского, готовит свою сокращенную грамматику и читает первые ее главы в 1825 г. в собрании профессоров университета[84].

Однако основной заботой Лобойко остается грамматика русского языка для поляков, которую он без указания имени автора издает в Вильне в 1827 году под заглавием: «Начертание грамматики российского языка, составленное по наилучшим и достовернейшим пособиям, на российском и польском языке»[85]. Современники знали, кто является автором вышедшей грамматики: об этом пишет Полинский в рукописной биографии Лобойко[86], об этом свидетельствует переписка Лобойко с проф. Снегиревым[87], однако в официальных биографиях Лобойко (в Русском биографическом словаре[88], в перечне работ при послужных списках, в библиографии его работ в соответствующем разделе «Истории Виленского Университета» И. Белинского[89]) в списке его работ эта книга не значится. Не знают об авторстве Лобойко и составители библиогра-

---

[79] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 39, л. 3-об.

[80] Рук. отд. Вильн. Унив., КС 206, стр. 709.

[81] ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 1115, л. 20.

[82] Там же, ед. хр. 1119, л. 218.

[83] Арх. ИРЛИ, ф. 154, ед. хр. 22, лл. 1—10.

[84] ГИА Лит. ССР, ф. 721, оп. 1, ед. хр. 308, л. 23.

[85] На титульном листе по-польски: „Początki grammatyki języka rossyjskiego podług celniejszych i gruntowniejszych wzorów w języku rossyjskim i polskim ułożone“, Wilno, 1827.

[86] Рук. отд. Вильн. Унив., ДС 177.

[87] Арх. АН в Ленинграде, Р IV, оп. 52, ед. хр. 8, лл. 21-об., 25-об., 28-об.

[88] Русский биографический словарь, т. 10, Спб., 1914, стр. 568.

[89] J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, III, Kraków, 1899—1900, str. 254.